АНАТОЛИЙ КАМЕНСКИЙ

ЧЕРНАЯ МЕССА

АНАТОЛИЙ КАМЕНСКИЙ

ЧЕРНАЯ МЕССА

ПЬЕСА В 4 ДЕЙСТВИЯХ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ГЮИСМАНСА)

ИЗДАНИЕ Т-ВА И. БЛАГОВ
БЕРЛИН

*

Типография К. Г. Редера, общ. с огр. отв. в Лейпциге.

ЧЕРНАЯ МЕССА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДЮРТАЛЬ, писатель

ЭРМИ, врач

КАРЭ, звонарь

М-ме КАРЭ

ДОКР, каноник

ШАНТЕЛУВ, коммерсант

М-ме ШАНТЕЛУВ (ГИАЦИНТА)

ДЕЙСТВИЕ I

Комната звонаря Карэ в башне католической церкви, с железной печью, уходящей своею длинной трубой в одно из стрельчатых окон. Справа — перила лестницы, ведущей на колокольню, слева — обведенный перилами люк, скрывающий лестницу вниз. Тут же в углу небольшая дверца в соседнее помещение — спальню и кухню. Посреди комнаты обеденный стол и несколько стульев. В глубине, направо, письменный стол, кресло и книжный шкаф, уставленный сверху колоколами. При поднятии занавеса м-м Карэ, в чепчике и рабочем переднике, стоит, склонившись над входным люком.

М-ме КАРЭ

(Гостям—Дюрталю и Эрми). Входите, входите скорей и обогревайтесь. *(Увидав свертки).* Ах, господа, вы опять хотите обидеть нас с мужем . . . Право же вы тратите слишком много.

ЭРМИ

Но если это нам нравится, г-жа Карэ? . . А где же ваш супруг?

М-ме КАРЭ

Наверху. Он с самого утра не может успокоиться.

ДЮРТАЛЬ

Но сегодня ужасно холодно. Колокольня вряд-ли может быть приятна в такую погоду.

М-ме КАРЭ

О, да. Но он сердится на погоду не за себя, а за свои колокола. Что же вы не раздеваетесь? *(Гости раздеваются и подходят погреть руки к печке).* Здесь не жарко, — чтобы согреть эту башню надо топить день и ночь.

ЭРМИ

(Перейдя к столу, на котором лежат принесенные свертки, вынимает несколько бутылок). Зато мы сегодня позаботились и о себе, и о Карэ. Ваш муженек недурно обогреется сегодня.

М-ме КАРЭ

Ах, Боже мой! Вы так балуете нас... Надо взглянуть на обед... Извините, что я вас на минуту оставлю. *(Уходит в дверцу налево).*

ДЮРТАЛЬ

Она очень симпатична, эта м-ме Карэ... И вообще я тебе страшно благодарен за знакомство с этими людьми. Фигура звонаря, этого поэта и фанатика колокольного звона мне пригодится для романа.

ЭРМИ

Да, он забавен. Его любов к колоколу действительно фанатична. Он любит колокол, как живое существо. Правда, колокол совершенно особый инструмент. Ты знаешь, его крестят, как человека и освящают миропомазанием. Его утешающий голос доносится до умирающих и поддерживает их в минуты последнего ужаса. Между прочим любопытно, что колокола с годами, как вино, становятся лучше. Они теряют едкий букет, незаконченность звука.

ДЮРТАЛЬ

Вот как, да ты знаток в колоколах.

ЭРМИ

Я ничего не знаю. Я повторяю только то, что слышал от Карэ. В этом вопросе его сведения прямо неистощимы.

ДЮРТАЛЬ

Мне кажется, что звуки колоколов созданы для больных, измученных бессонницей.

ЭРМИ

Не только для больных. На одном из них мне Карэ показывал надпись: „Paco cruentos“ —

„Я умиротворяю озлобленных“... Кстати, как подвигается твой роман?

ДЮРТАЛЬ

Какой неожиданный переход. От колоколов к жизни Жилля де-Рэ. Я закончил первую часть. При этом, конечно, подвиги и добродетели моего героя я отметил весьма кратко.

ЭРМИ

Они вовсе и не интересны.

ДЮРТАЛЬ

Несомненно. Тем более, что имя Жилля де-Рэ живет четыре века только из-за чудовищных пороков, которые оно символизирует. Вот поэтому-то и трудно об'яснить, как этот человек, бывший сначала храбрым солдатом и добрым христианином, превратился вдруг в оскорбителя святыни, в жестокого и низкого садиста. Современники изображают его, как нервного и могучего человека, величественно-красивого, необыкновенно элегантного. Заметь, что он владел библиотекой, совершенно невероятной для того времени, когда читали только жития святых. В обстановке ему нравилось все исключительное и странное. Он, например, был вне себя от редкостных тканей, сладострас-

ных шелков и в особенности от церковных риз и облачений... Он любил обеды, приправленные ядовитыми пряностями и пил поистине огненные вина.

ЭРМИ

Хорошо, но все это еще далеко не об'ясняет, почему благочестивый человек делается вдруг сатанистом, а мирный ученый — насильником над детьми и убийцей мальчиков и девочек.

ДЮРТАЛЬ

Исторически это вполне об'яснимо: он жил в необычайную эпоху и наблюдал необычайные явления. Частые свидания с Жанной д'Арк обострили его порывы к Богу.. Ну, а, как известно, от экзальтированного мистицизма к отчаянному сатанизму только один шаг.

ЭРМИ

Так значит злодеяния Жилля вызваны великой девственницей?

ДЮРТАЛЬ

Да, до известной степени, если принять во внимание, что она все время разжигала его душу, одинаково готовую и на оргии святости и на безмерность преступлений.

ЭРМИ

Но так как очень трудно быть святым, то остается сделаться сатанистом. Да, милый Дюрталь, тема для разработки далеко не легкая и материал тебе понадобится огромный. Хотя ... Ты знаешь, известно ли тебе, что сатанизм свирепствует и в наше время и что определенными нитями он связан со средними веками?

ДЮРТАЛЬ

Что ты хочешь сказать? Ты веришь, что в наши дни вызывают дьявола, служат черные мессы?

ЭРМИ

Да.

ДЮРТАЛЬ

Ты уверен в этом?

ЭРМИ

Совершенно уверен.

ДЮРТАЛЬ

Ты поражаешь меня *(Звон)* ... и радуешь, как писателя, конечно. Мне бы очень помогло в моей работе, если бы я мог увидеть все эти вещи.

ЭРМИ

Тсс... М-ме Карэ... Мы еще вернемся к нашему разговору.

М-ме КАРЭ

Ну, вот, сейчас спустится Карэ. Вы слышали звон маленького колокола? Это сигнал мужа ко мне.... А вот и он сам.

Карэ появляется на ступеньках лестницы, ведущей на колокольню. На нем меховая куртка, теплая шапка и рукавицы.

КАРЭ

А-а... дорогие гости. Я не подаю вам руки, потому что я весь в сале и масле. Что за погода! Представьте, я с самого утра очищаю колокола и не совсем еще спокоен.

ДЮРТАЛЬ

Но почему же?

КАРЭ

Как почему?.. Ведь вы знаете, что от мороза металл сжимается и даже лопается иногда. Бывали тяжелые зимы, когда церкви теряли много колоколов, ибо колокола страдают в такую погоду, как и мы. Впрочем, теперь это уже мало кого интересует. Звонарей нет

больше. Сейчас звонят угольщики, каменьщики, пожарные, нанятые за франк. Эти люди вызванивают Бог знает что. Колокола! Ведь это же единственная церковная музыка! Колокола!.. Однако я задерживаю вас. Обед наверное готов.

М-ме КАРЭ

Готов, готов, иди умывайся скорей. *(Карэ уходит в дверцу налево).* Садитесь же, господа! *(Убегает в ту же дверь).*

Дюрталь и Эрми не садятся. М-ме Карэ появляется с посудой и закуской, расставляет принесенное гостями вино, потом приносит миску с супом. Вслед за ней возвращается Карэ, в чистой темной блузе, потирая вымытые руки.

КАРЭ

Теперь я могу поздороваться с вами *(пожимает обоим руки)*. Суп на столе, господа. Прошу покорно садиться. *(Все садятся).*

М-ме КАРЭ

(разливая суп по тарелкам). Кажется на этот раз суп удался.

ДЮРТАЛЬ

(после первой ложки). Да, в ресторанах такого не получишь.

ЭРМИ

Не будем говорить дурно о ресторанах, они дают и могут давать большие радости тем, кто умеет выбирать их. Но вот я бываю в одном ресторанчике раза два в месяц, так на моих глазах жирные люди желтеют, а худые становятся зелеными. Кое-какие кусочки я утащил оттуда к себе в лабораторию и нашел в них целый ряд страшных примесей, которыми ресторатор, очевидно, хотел замаскировать вкус недоброкачественных продуктов. Зато теперь я могу бесплатно наблюдать на этих чахнущих и зеленеющих людях картину отравления всякими ядами.

ДЮРТАЛЬ

Не предостерегая их, не приходя им на помощь? Да ты, оказывается, сам недурной сатанист.

ЭРМИ

Слышите, Карэ... Это Дюрталь не спроста. Он теперь сел на своего конька, с которого уже ни за что не слезет. Ведь он пишет историю Жилля де-Рэ, а посему ничем не интересуется, кроме сатанизма. Я ему сообщил между прочим о том, что вы мне рассказывали недавно.

КАРЭ

О современном сатанизме?

ДЮРТАЛЬ

Неужели это правда?

КАРЭ

К ужасу, это больше, чем правда.

ЭРМИ

Да тут и нет ничего удивительного. В наши времена добрый Бог, очевидно, побежден, и зло царит над миром полновластно. Удивляться можно только тому, что религия этого открытого и всеобщего зла лицемерно прячется по подземельям.

ДЮРТАЛЬ

Но что они делают? что? *(М-ме Карэ забирает тарелки, ставит на них миску и уходит).* И почему, наконец, вы оба знаете все это, а я не знаю?

ЭРМИ

(Оглядываясь на дверцу, за которой скрылась м-ме Карэ). Пока мы одни, я могу тебе рассказать кое-что. Не знаю, что делают современные сатанисты, но вот что сообщает некий Пселл в своей книге „De operatione demonum", о манихеянах. Они убивали детей, смешивали их кровь с золой и тесто это, разведенное в питье, представляло собою вино причастия.

ДЮРТАЛЬ

Ого! Вот мы в самой гуще сатанизма.

М-ме КАРЭ

(с блюдом жаркого в руках). Я уверена, что г-н Эрми рассказывает здесь ужасные вещи.

ЭРМИ

Помилуйте, г-жа Карэ.

М-ме КАРЭ

(разрезывая мясо). Боюсь не пережарилось ли мясо. Что-то не очень хорошо режется.

КАРЭ

(разливая по рюмкам вино). Теперь можно приступить и к самому главному *(чокается).* Уважаемый Дюрталь! Дорогой Эрми!

М-ме КАРЭ

Возьмите-ка анчоус и немного масла к вашему мясу, господин Дюрталь.

ДЮРТАЛЬ

Благодарю вас, г-жа Карэ, за ваше здоровье! .. Послушай Эрми, как ты хочешь, но мне нужно высосать из тебя все соки твоих знаний о сатанизме. Иначе я все равно не отстану. Пей свое вино и рассказывай по-немножку.

ЭРМИ

Недурной дессерт ты предлагаешь к нашему славному обеду. С чего начать? Ты сам многое знаешь из эпохи Жилля де-Рэ. Я думаю бесполезно напоминать тебе о Екатерине Медичи, о Валуа, о процессе монаха Жана де-Во, о священнике Бенедикте, жившем с женщиной-демоном Армеллиной. Некий аббат Гибург специализировался на таких мерзостях: на стол, служащий алтарем, ложилась женщина нагая или с поднятым до подбородка платьем и в продолжение всей службы держала в вытянутых руках зажженные свечи. Гибург служил таким образом мессы на животах м-ме Монтеспань, м-ме Аржансон, м-ме Сен-Пон.

М-ме КАРЭ

Что за ужасный священник!

ЭРМИ

Да! Он служил также мессу другого рода. Она называлась... Чорт! Это не легко выговорить.

М-ме КАРЭ

Говорите, Эрми! Кто, как мы, ненавидит подобные вещи, тот может все выслушать. Поверьте, это не помешает мне молиться сегодня вечером.

КАРЭ

И мне также.

ЭРМИ

Хорошо. Это жертвоприношение называлось „мессой семени“.

М-ме КАРЭ

О!

ЭРМИ

Гибург в стихаре, епатрахили и ораре совершал эту мессу со специальной целью выделывания наговорных составов.

М-ме КАРЭ

Боже мой, какая гнусность!

ДЮРТАЛЬ

Но в средние века месса совершалась наверное иначе, чем теперь. Ты говоришь, что алтарем служил тогда живот обнаженной женщины, ну а как же теперь? Расскажите, дорогой Карэ.

КАРЭ

(Взглядывая на часы). Друзья мои, без четверти восемь. Мне нужно пойти на колокольню звонить к вечерней молитве. Не ждите меня, пейте кофе, а я возвращусь через десять минут *(уходит, накинув меховую куртку, наверх)*.

М-ме КАРЭ

Ветер наметает снег сквозь щели на лестницу. В такую погоду я всегда боюсь, что муж схватит воспаление легких *(выходит на минуту, возвращается с кофе).* Вот кофе. Господин Эрми, я предоставляю вам разлить его. Мне хочется прилечь. В этот час мои ноги уже отказываются служить.

ЭРМИ

Пожалуйста не стесняйтесь с нами, симпатичнейшая г-жа Карэ *(м-м Карэ уходит).* Ты видишь, что Карэ не так легко вызвать на откровенность. Рассказывая мне кое-что о современных ритуалах сатанизма, он все время не договаривал чего-то. И сейчас он поторопился наверх, чтобы не ответить на твой вопрос. Тут какая-то тайна.

ДЮРТАЛЬ

Ну, например, что?

ЭРМИ

Трудно сказать. Карэ — мистик, а не ханжа и, конечно, не клерикал. Он — ученый, правда немного доморощенной складки, но зато чуждый всякого карьеризма и великий идеалист. Тут скрывается борьба. Он знает гораздо больше, чем говорит. Он замышляет что-то.

ДЮРТАЛЬ

Все это страшно интересно. Надо непременно сойтись с ним.

ЭРМИ

Это легко и нелегко. Карэ — дитя... Есть впрочем одно имя, напоминание о котором совершенно выводит его из равновесия. Тогда, в порыве гнева, он невольно становится откровеннее. Я попробую, когда он вернется... Однако, слушай.

Наверху начинается звон колоколов. Музыка Карэ очаровывает гостей, которые, слушая ее, обмениваются взглядами восхищения. Она медленно затихает на последнем бархатном ударе большого колокола.

ДЮРТАЛЬ

Карэ несомненно искренен в своем увлечении. В его руках колокольня — целый симфонический оркестр.

ЭРМИ

(задумчиво). Да, его колокола зовут куда-то... В них голос какого-то предостережения... какой-то жуткой тревоги...

КАРЭ

(возвращаясь). Тьфу, пропасть, дети мои! Что за ветер! Через слуховые окна, через

щели, через резонаторы снег врывался во-
рохами и ослеплял меня. Что за собачья
зима! Хозяйка легла уже? Ладно. Скорее
чашечку горячего кофе. *(Пьет).* Хорошо.
Ну, на чем же вы остановились, дорогой доктор?

ЭРМИ

Я кончил краткий обзор сатанизма, но ничего
еще не сказал о подлинном чудовище, о един-
ственном существующем в настоящее время
мастере своего дела, о расстриженном аббате . . .

КАРЭ

Осторожнее, осторожнее . . . Самое имя этого
человека приносит несчастье.

ЭРМИ

Ну, каноник Докр бессилен против нас и в
особенности против вас, дорогой Карэ. При-
знаться я не понимаю, почему на вашем лице
отразился такой ужас? . . Я замечаю это не
в первый раз.

КАРЭ

*(оглядываясь на дверь, в которую ушла м-ме
Карэ).* Я буду с вами откровенен, господа. Это —
ужас воспоминаний . . . личных воспоминаний.
Вы, Эрми, знаете от меня же, что аббат Докр

перестал служить свою мессу в подвале графа де-Сервиньи после одного скандала и перенес ее в какой-то запущенный монастырь. Об этой истории не знает моя жена и я очень прошу вас, господа, не рассказывать ей ничего. Скандал аббату Докру был устроен мной.

ДЮРТАЛЬ

Вами? Да что вы говорите, Карэ?

ЭРМИ

Так вот оно что. Браво, Карэ! Я признаться не ожидал от вас подобной прыти. Вы рисковали и продолжаете рисковать многим. Говоря прямо, вы рискуете жизнью, которая нужна не только вам, но и *(кивает головой на дверь)* . . . И разумеется вашим друзьям.

КАРЭ

Об этом не приходится думать, когда об'являешь войну. Я об'явил войну этому негодяю и должен победить, уничтожить своего врага. Я верю в Бога и верю в существование Сатаны, искушавшего Его . . . Но сам Сатана не опасен так, как иные служители его, решившиеся на обман. Каноник Докр смелее и подлее Сатаны. В своей борьбе с Церковью, отторгнувшей его, он решился на неслыханный прием. Он строит всю борьбу на гнуснейшей провокации, какую

только знала человеческая история, и я обязан разоблачить его, как христианин, и как социалист.

ДЮРТАЛЬ

(с удивлением). Почему, как социалист?

КАРЭ

Это вас удивляет, господин Дюрталь?

ДЮРТАЛЬ

Нет, но мне казалось... Вы так далеки от политики...

КАРЭ

Все настоящие христиане — социалисты. Из этого, конечно, не следует, что все социалисты — христиане.

ЭРМИ

Но продолжайте же, продолжайте. О какой провокации Докра вы говорили?

КАРЭ

Развенчивая Бога и возвеличивая Сатану, он, в последнее время, использовал политическое безразличие своей главной паствы, которую он вербовал из высших кругов. Эти пресыщенные люди, стекавшиеся на его мерзости только из любопытства, не заметили в его импровизациях

демагогического подхода. Да они никогда и не вслушивались в слова. И вот в проповедях негодяя зазвучали совсем особые нотки. Как человек необычайного, поистине дьявольского ума, аббат Докр провидит переоценку ценностей, выдвинутую самой жизнью. Он хочет по своему использовать начавшийся и, конечно, временый процесс безрелигиозности масс, поколебавший клерикально-буржуазную твердыню прежней веры. Он не боится опоздать и действует наверняка. Еще не скоро христианский Бог очистится от налипших на него за 2000 лет копоти и грязи эксплоататорского строя. Тут-то Докр и делает передержку. Христос, Бог нищих, Друг обиженных и угнетенных, становится у него Богом мошенников и зашитником спекулянтов . . . А Сатана, толкающий бедноту на преступления, якобы борется вместе с беднотой против эксплоатации и насилия правящих классов. Одним словом, Докр не простой негодяй и авантюрист, как на него и смотрит большинство его же адептов, а борец за пролетариат, бесстрашный революционер, ополчившийся против буржуазного Бога.

ЭРМИ

Теперь мне многое понятно. Но почему же вы скрыли от меня подробности самого ритуала? Вы могли бы сообщить их мне не от своего лица.

КАРЭ

Эти подробности так ужасны. Каноник Докр в деталях мессы превзошел всех своих предшественников ... Я едва ли решусь изобразить вам это. Есть слова непроизносимые, есть вещи, которые отказывается хранить самая хладнокровная память.

ДЮРТАЛЬ

О, дорогой Карэ! Вы — истинная сокровищница для моего романа. Как писатель, молю вас, сделайте это. Если не для меня, то для литературы.

ЭРМИ

Конечно, Карэ, вы должны это сделать.

КАРЭ

(Пройдясь до дверцы налево, прислушавшись и возвратившись). Хорошо, сядем сюда *(садятся близь рампы справа)*. Дело в том, что аббат Докр ...

З А Н А В Е С.

ДЕЙСТВИЕ II

Салон м-ме Шантелув (Гиацинты). При поднятии занавеса Гиацинта одна, на корточках, перед огнем камина (слева, близь рампы) перечитывает чьи-то письма. Останавливаясь на некоторых местах, целует строки, вдыхает запах духов от бумаги, сладострастно жмурится и потягивается с легким стоном. Все время, отвечая на какие-то мольбы (в одном, другом, третьем письме), отрицательно качает головой и говорит: „Нет, нет, ни за что!“ „Никогда, никогда в жизни!“ „Милый, милый, никогда!“ *Сложив пачку писем, бережно укладывает ее в шкатулку и, осветив комнату поворотом выключателя, ставит шкатулку на письменный столик. Потом берет со столика чей-то портрет и долго рассматривает его. Странная сладострастная экзальтация овладевает Гиацинтой. Она точно грезит на-яву или галлюцинирует. Как пьяная доходит до софы с подушечками, тканями, звериными шкурами и падает на нее в судорогах страсти. Долгая пауза. Стук в дверь. Второй раз. Гиацинта не слышит, отдаваясь воображаемому любовнику, как галлюцинатка или мистическая суккуба. Входят Шантелув (ее муж) и Эрми.*

ШАНТЕЛУВ

(осторожно): Madame! Pardon, madame!

Гиацинта вздрагивает, не сразу видит вошедших, потом, увидав мужа, приходит в неописуемое бешенство и начинает носиться по комнате, ломая пальцы от злости, отталкивая и опрокидывая стулья, бросая на пол мелкие предметы.

ГИАЦИНТА

(беснуясь): Это невыносимо, это совершенно невыносимо... Я тысячу раз просила... Когда же наконец мне дадут покой!.. Какая наглость!.. Какая бесконечная наглость!.. Входить без стука!

ШАНТЕЛУВ

Я постучал два раза.

ГИАЦИНТА

Вы не постучали ни разу.

ШАНТЕЛУВ

Простите, madame, но г-н Эрми может подтвердить.

ЭРМИ

(пристально и немного иронически наблюдавший сцену): И охотно спешу это сделать, так как иначе... Здравствуйте, м-ме Шантелув!

ГИАЦИНТА

(уже улыбаясь): Здравствуйте. Что „так как иначе?“

ЭРМИ

(почтительно целуя ей руку): Иначе вашему супругу, а, может быть, и его гостю пришлось бы испытать на себе совершенно незаслуженно гнев очаровательной хозяйки этого очаровательного капища.

ГИАЦИНТА

Испитать на себе?.. Пожалуй... Я могла бы вцепиться ногтями в вашу очаровательную бороду. Я ненавижу тех, кто мне мешает, кто мне становится поперек дороги.

ЭРМИ

Но надеюсь сейчас этого никто не сделал?

ГИАЦИНТА

Нет... но... я хотела быть одна.

ЭРМИ

(комически): Г-н Шантелув, вашу руку... М-ме, мы просим извинения...

ГИАЦИНТА

Оставайтесь, гаер! В минуту злости я еще не знала, что это вы. Вам я всегда рада. Рассказывайте новости. *(Мужу):* дай нам закурить.

Шантелув приносит папиросы. Закуривают. Садятся (Шантелув немного поодаль).

ЭРМИ

Новостей у меня нет. Я почти нигде не бываю, а больных принимаю только у себя на-дому.

ГИАЦИНТА

А ваш друг, с которым вы не разлучны?

ЭРМИ

Дюрталь? Он тоже затворничает, если не считать наших общих визитов на колокольню.

ГИАЦИНТА

Это еще что такое?

ЭРМИ

Дюрталь пишет новый роман, а писатель в погоне за материалом способен забраться и не на такую высоту.

ГИАЦИНТА

Значит ваш друг ударился в святость?

ЭРМИ

Этого бы я не сказал. Может быть совсем напротив.

ГИАЦИНТА

Вот как... *(странно улыбаясь, смотрит на Эрми испытующе)*. Вы хитрите... Я вам все равно ничего не расскажу!

ЭРМИ

Опять игра в кошки-мышки . . . Я и не думаю хитрить. Я прекрасно знаю, что от вас ничего не добьешься, раз вы решили быть твердой.

ГИАЦИНТА

Итак вы помогаете Дюрталю в собирании материалов? . . *(Небрежно)* Он много работает? . . Почему он заинтересовался сатанизмом?

ЭРМИ

Теперь уже вы хитрите. Вы меня не изловите так просто. Я вам не сказал, что Дюрталь заинтересовался именно сатанизмом *(вынимает платок, чтобы высморкаться, небрежно разворачивает его)*.

ГИАЦИНТА

(В тон). Не сказали? . . Значит мне послышалось . . . Какими духами вы душитесь? . . Ambre? . . Это хорошо. Я люблю основные составы. Это очень сильные, настоящие мужские духи, как мускус.

ЭРМИ

А у вас неизменный гелиотроп . . . Это конечно, запах женский — горький и нежный. *(Шантелуву)*: Мой друг, почему вы все молчите?

ШАНТЕЛУВ

Когда говорят профессора, простым смертным остается молчать.

ЭРМИ

Профессора? Чего?

ШАНТЕЛУВ

Чернокнижия, снобизма, эстетизма, чего хотите... „Запах мужской, запах женский“... Мы, коммерсанты, разбираемся только в предложении и спросе. Хотя насчет гелиотропа, дорогой доктор, я бы мог внести свои поправки. Вы говорите: „горький и нежный“... По-моему, только „горький“.

ГИАЦИНТА

Потому что гелиотроп не желает пахнуть для вас иначе.

ЭРМИ

Браво, браво... Однако, я заглянул к вам только на минуту. Мы с вашим мужем беседовали уже больше двух часов *(вставая, чтобы проститься)*. Надеюсь, madame, что в следующий раз вы услышите наш стук в вашу дверь. На всякий случай я посоветовал бы милейшему Шантелуву стучать по крайней мере три раза.

ГИАЦИНТА

Три раза? Я не люблю этого числа. Из всех нечетных чисел я люблю только число семь. Оно своенравно.

ЭРМИ

(смеется): Очень хорошо. Именно, своенравно. Слышите, милейший, если вы хотите угодить вашей жене, стучитесь к ней в дверь семь, а, может быть, и 77 раз. *(Отводит Шантелува в сторону)*. Что касается препарата, то я настоятельно рекомендую вам взять целиком всю партию. А самое лучшее прямо купить патент. Публика любит все сильно действующие средства. В одном Париже я вам ручаюсь за несколько тысяч молодящихся старичков . . . Впрочем, повторяю, я не заинтересован. Это мое мнение опытного лаборанта.

ШАНТЕЛУВ

Дорогой доктор, тем более я вам благодарен. Вы уже не в первый раз обогащаете мое депо. Я, разумеется, куплю патент.

ЭРМИ

(целуя руку Гиацинты): Au revoir, madame! *(Прощается с Шантелувом)* не провожайте меня, мой друг! *(Уходит)*.

Гиацинта берет книгу и ложится на софу, как бы не замечая Шантелува. Тот ходит по комнате, стараясь обратить на себя внимание Гиацинты. Становится против нее, кашляет.

ШАНТЕЛУВ

(робко): Гиацинта! *(Пауза)* Гиацинта!

ГИАЦИНТА

(опуская книгу): Как вы смеете!

ШАНТЕЛУВ

Простите, я все не могу привыкнуть. Ваше имя всегда было для меня чем-то самым дорогим, самым святым . . .

ГИАЦИНТА

(с брезгливостью): Вы точно выбираете для меня самые отвратительные слова. Как вы смели остаться здесь наедине со мной! Как вы смели не уйти сейчас же за Эрми!

ШАНТЕЛУВ

Гиацинта! Я исстрадался. Я люблю вас. Вы — моя жена. Вот уже столько месяцев тянется это жестокое испытание. Я не выдержу его. Я сойду с ума. Ради Бога . . .

ГИАЦИНТА

(как ударенная хлыстом): А-а-а! *(Швыряет*

книгу Шантелуву в лицо). Вон из моей комнаты сию же минуту. Слышите вы! Вон!

ШАНТЕЛУВ

Все равно... Сейчас или потом?.. Лучше сразу. Скажите мне прямо, чего мне ждать?.. Будете вы когда-нибудь моею?

ГИАЦИНТА

(издеваясь): Вашей? Вашей?

ШАНТЕЛУВ

(на коленях): Как вы жестоки со мной. За что? Разве я не выполнил наш договор с вами? Разве я мешал вам в ваших капризах? Ну хорошо, я не буду даже намекать вам на то счастье, которое... не буду стремиться к невозможному... Но хоть немного дружбы... Неужели я не стою маленькой человеческой ласки?..

ГИАЦИНТА

Я не люблю собак. Всякой собаке я предпочла бы гиену.

ШАНТЕЛУВ

Вы сильная, вы большая. Но ведь было время, когда вы снисходили до меня.

ГИАЦИНТА

Я вам бросала подачку. Это был мой каприз, который не повторится.

ШАНТЕЛУВ

Никогда?

ГИАЦИНТА

Никогда. Если это вам не нравится, то я уеду. Ведь мое пребывание здесь тоже подачка.

ШАНТЕЛУВ

И только?

ГИАЦИНТА

Может быть, не совсем. Мне удобно с вами. Я привыкла к своим комнатам. Уходите же.

ШАНТЕЛУВ

Позвольте мне надеяться, верить. Не может быть чтобы ваше сердце не смягчилось.

ГИАЦИНТА

Вы жалки. Вы сами не понимаете, что вы говорите. При чем тут сердце?.. Вы просто не знаете, что такое любовь. Ну, уходите.

ШАНТЕЛУВ

Не гоните меня, умоляю вас. Ваша замкнутость, ваше недоверие ко мне незаслужены

мною. Неужели ваша душа недоступна ни для кого на свете? Неужели нет такого человека?

ГИАЦИНТА

Вы не можете быть таким человеком.

ШАНТЕЛУВ

Почему же, почему?

ГИАЦИНТА

Потому что вы для меня... я не знаю что: умывальник, комод, платяной шкаф, но не человек. Я могла бы доверить себя, свои мечтания...

ШАНТЕЛУВ

Говорите, говорите...

Гиацинта смеется загадочно-сладострастно.

ШАНТЕЛУВ

О, я догадываюсь... Вы влюблены в кого-то. У вас есть любовник.

ГИАЦИНТА

(смерив его взглядом): Вы — дурак. Поройтесь у себя в памяти. Назовите хоть одно имя.

ШАНТЕЛУВ

Вы правы. Но ваше поведение все последнее время... Ваши слезы и ваш смех в то утро, когда вы закрыли мне навсегда доступ... в вашу спальню...

ГИАЦИНТА

(замкнуто): Вы знаете очень хорошо, что я любила только один раз и вы знаете, кого. *(Уходит в спальню налево).*

Шантелув закуривает, садится в кресло, роняет голову на руки. Пауза. В дверях справа появляется аббат Докр в черном сюртуке. Он долго смотрит на не замечающего его Шантелува. Подходит, молча кладет руку на плечо. Шантелув вздрагивает и поднимает голову.

ШАНТЕЛУВ

Господин Докр! Я не слышал, как вы вошли. Здравствуйте, уважаемый господин Докр.

ДОКР

Вы страдаете, мучаетесь. Это было бы хорошо, если бы вы умели извлекать из страдания радость. Впрочем, научить этому нельзя. Как здоровье вашей жены?

ШАНТЕЛУВ

М-ме Шантелув здорова.

ДОКР

Я к вам по делу. Те вещи, которые я заказал вашему депо, необходимо переслать по секретному адресу: травы, курения и проч. Пилюли надо вызолотить и уложить по 13 штук в плоские трехугольные коробочки, оклеенные красной лакированной бумагой. Всю тысячу коробочек я возьму у вас сам в понедельник.

ШАНТЕЛУВ

Слушаю, господин аббат.

ДОКР

(взглядывая на опрокинутые Гиацинтой стулья и расброcанные предметы): Что тут происходило?

ШАНТЕЛУВ

У м-ме Шантелув в последнее время немного расстроены нервы. Вы стали редко посещать нас, между тем ваше общество так благотворно действовало на нее.

ДОКР

Благодарю вас. Я верю в вашу искренность. Если бы я мог любить хороших людей, то я полюбил бы вас.

ШАНТЕЛУВ

Я, кажется, никогда не поверю в то, что зло заступило для вас место добра. Вы так добры ко мне, господин Докр.

ДОКР

Я? Добр? Мне просто выгодны хорошие отношения с вами. В особенности после скандала с этим дураком Карэ.

ШАНТЕЛУВ

Надеюсь это не причинило вам очень больших неприятностей?

ДОКР

Мы уже достаточно сильны в Париже, чтобы какой-то звонарь... Разумеется нам еще далеко до конечного торжества, когда...

ШАНТЕЛУВ

Когда?..

ДОКР

Когда елейным дуракам, вроде Карэ, придется пересчитать ступени со всех колоколен Европы и заползти и самые тесные и смрадные подземелья, а наша вера, как уже господствующая фактически, разобьет последние лицемерные оковы.

ШАНТЕЛУВ

Неужели это возможно, г-н Докр? Впрочем, я готов быть и в этом вопросе только коммерсантом. Торговля беленой и миррой с коммерческой точки зрения ничуть не хуже торговли ладаном.

ДОКР

Совершенно верно, мой умный друг! Теперь скажите мне пожалуйста с какого приблизительно момента нервы г-жи Шантелув стали особенно пошаливать?

ШАНТЕЛУВ

Это трудно установить с точностью. Мне кажется . . . но я боюсь, что она рассердится на меня, если почувствует, что у меня с вами был разговор на эту тему.

ДОКР

Почувствует? Вы хорошо знаете вашу жену. Да, она может почувствовать. Лучше мне не расспрашивать вас и сделать вам еще раз добро, как вы говорите.

Гиацинта показывается на пороге, смотрит пристально в затылок Докру блестящими будто от счастья глазами. Докр оборачивается сейчас же. Ждет. Гиацинта подходит, здоровается, не протягивая руки. Докр наклоняет голову.

ГИАЦИНТА

(Шантелуву): Будьте добры, оставьте нас одних. Господин Докр вернется к вам через полчаса.

ШАНТЕЛУВ

Хорошо, хорошо, пожалуйста. *(Докру):* Я буду ждать вас у себя в кабинете, господин аббат! *(Уходит).*

Гиацинта опускается перед Докром на колени, целует ему руку и край сюртука. Докр благословляет ге, очертив два трехугольника вокруг ее головы и шепча какие-то слова („Lucifer, domine noster!“ *слышны*). *Подняв ее с пола, сажает в кресло.*

ДОКР

Я не видел вас целый месяц. Вы похудели, у вас синие тени на лице.

ГИАЦИНТА

(немного смущенно): У меня нет от вас тайн, учитель.

ДОКР

Я знаю. Дайте ваши глаза.

ГИАЦИНТА

Смотрите.

ДОКР

(читая ее мысли): Хорошо. Но тут есть опасность. Все-таки вы — женщина. Женская душа способна на всякие метаморфозы. Может прийти . . . любовь.

ГИАЦИНТА

(испуганно): Не говорите, нет, нет . . . Я хорошо себя знаю. Я не дам ему ни одной встречи.

ДОКР

Это и есть самый опасный способ. Кроме того, я не вижу никакой заслуги в борьбе на расстоянии.

ГИАЦИНТА

Но я . . . обладаю им.

ДОКР

Знает ли он об этом?

ГИАЦИНТА

Должно быть нет.

ДОКР

Я зашел сказать вам, чтобы вы были готовы. Дело удалось замять. Окончательно день и

час новой мессы я сообщу вам во вторник на будущей неделе. Теперь мы уже можем говорить о самом главном.

ГИАЦИНТА

(радостно вскрикнув): Да?.. Я не верю... Правда?

ДОКР

Правда.

Гиацинта опускается на колени и, устремив взор куда-то вниз, шепчет слова молитвы Люциферу. Потом оборачивается к Докру.

ГИАЦИНТА

(благодарно): Учитель.

ДОКР

Встаньте. Пойдите сюда. Вы знаете, что нужно для этого? Жертвой не может быть всякий.

ГИАЦИНТА

Знаю.

ДОКР

Вы поняли меня?

ГИАЦИНТА

(побледнев до дурноты): Нет, нет, нет...

ДОКР

Именем вашей прежней любви ко мне, памятью нашей прежней связи приказываю вам!

ГИАЦИНТА

(бросившись перед ним на колени): Нет, нет, вы откажетесь от этой мысли. Я заклинаю вас. Учитель, пощадите меня. Все, все, кроме этого.

ДОКР

(испытующе): А . . . вы любите его.

ГИАЦИНТА

Я не знаю . . . Нет, конечно, нет.

ДОКР

Вы на краю гибели. Еще шаг и вы погибли безвозвратно.

ГИАЦИНТА

(кричит): Нет, нет.

ДОКР

Я прочитал вашу тайную мысль. Вы ошибаетесь: это не ревность с моей стороны, не месть. То ушло. Мы изжили пламень. Теперь мы только союзники. Итак, вы приедете вместе с ним, а следующую, вторую мессу я буду уже служить на вас.

ГИАЦИНТА

(подавленная счастьем): Учитель, учитель... *(вспомнив условие Докра)* только подумайте, я прошу вас, как друга, мне трудно решиться, пусть это слабость, каприз, но... пожалейте меня.

ДОКР

Вы просите жалости? Вы?

ГИАЦИНТА

Это не то слово. Я не умею выразить... Убить этого человека, заманить его обманом... Он слишком значителен, слишком талантлив.

ДОКР

Хорошо. Я сделаю вам уступку *(думает)*. Вы будете у него за два дня до мессы. Если он сам не произнесет моего имени, он спасен... Если произнесет...

ГИАЦИНТА

Но вы с ним не знакомы. Я вам не называла его.

ДОКР

Не надо, это меня не интересует.

ГИАЦИНТА

Почему же он может назвать вас?

ДОКР

Случайно. Пусть решит случай. Наш великий бог посылает случай во всех спорных вопросах.

ГИАЦИНТА

Как вам угодно, учитель!

ДОКР

Подойдите проститься.

Гиацинта подходит, Докр „благословляет" ее и удаляется направо. Оставшись одна, Гиацинта утомленно опускается на софу. Постепенно какое-то радостное предвкушение овладевает ею, достигнув пределов демонически-острого экстаза. Тщательно заперев двери, она достает из шкафика курильницу, зажигает ее и ставит на ковер. Опустившись перед курильницей на колени и устремив пронзительный взор вдаль и вниз, громко читает слова молитвы Сатане.

ГИАЦИНТА

Lucifer, domine noster, deus omnipotens, da mihi gaudium amoris tuae, gaudium sanguinis tuae dolorosae, coelum nigrum benevolentiae tuae . . .

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ III

Рабочий кабинет писателя. Дюрталь за письменным столом. Эрми ходит по комнате с сигарой.

ЭРМИ

Я не ставлю в вину натурализму грубость его языка, его кабацкий словарь. Это было бы односторонне. Нет, я ставлю в вину натурализму низменность его идей.

ДЮРТАЛЬ

В чем же ты видишь это?

ЭРМИ

Натуралисты утверждают отвратительную современность, восхваляют американизм нынешних нравов, преклоняются перед грубой силой, ведущей толпу к апофеозу несгораемого шкафа. В конце концов натурализм так великолепно отражает мещанство мысли, что сам кажется плодом связи Лизы-колбасницы из „Брюха Парижа“ с пошляком де-Гомэ.

ДЮРТАЛЬ

Ну, ты всегда договоришься до чего-нибудь. Голый натурализм мне также отвратителен, как и тебе, но это еще не дает нам права отрицать незабываемые заслуги натуралистов в области искусства.

ЭРМИ

Я позволю себе усумниться в этих заслугах и вот почему. Натуралисты любят современность, понимаешь ли, они влюблены в нее, и в этом, конечно, их главный крах. Можно допускать и мы с тобой это допускаем, что человек от рождения эгоистическая, подлая тварь. Оглянись вокруг и ты увидишь: звериная борьба, оглушительный цинизм, беспощадная жестокость. Идеалисты и утописты ограблены на-чисто разбогатевшими мещанами... Повсюду торжествуют прохвосты или ничтожества, повсюду вакханалия банковских и политических авантюр. И, разумеется, мы с тобой и не мечтаем повернуть подобный поток. Никогда не изменится человеческая душа. Она гнила во времена Библии, она не менее зловонна и в наши дни. Но ведь поэтому-то и надо увести воображение от запаха человеческой помойной ямы, надо возродить романтизм.

ДЮРТАЛЬ

Вот ты и договорился . . . Ну, если так, я поделюсь с тобой кое-чем. Я докажу тебе существование романтизма особого, романтизма современности, романтизма помойной ямы . . . Вот послушай *(роется в ящике для писем, вынимает несколько листков, читает)*: „Милостивый Государь! Я не искательница приключеный, не любительница остроумной болтовни, опьяняющаяся ею, как другие ликерами и духами. Еще более чуждо мне вульгарное любопытство, желание узнать, соответствует ли внешность автора его произведению. Мне чуждо, впрочем, все, что вы можете предположить. Я только что прочла ваш последний роман . . .“

ЭРМИ

Ей понадобилось порядочно времени, потому что он уже больше года, как вышел.

ДЮРТАЛЬ

„. . . скорбный, как порывы пленной души . . .“ Ну, дальше комплименты, которые я пропускаю . . . „Хотя я и думаю, что бессмысленно стремиться осуществить желание, но не хотите ли вы встретить одну из ваших сестер по усталости, вечером, в месте вами указанном, после

чего мы вернемся к своим очагам, очагам людей, которые осуждены упасть, потому что переступили грань . . .“ Ну, тут что-то совсем туманное. И конец: „прощайте, верьте, что в этот век истертых монет я вас считаю чем-то . . . Вечером служанка зайдет к вашему консьержу и спросит, нет ли ответа для г-жи Мобель“.

ЭРМИ

Гм . . . Я точно вижу ее: наверное одна из престарелых дам, ищущих поместить куда-нибудь залежавшуюся партию своих ласк. По меньшей мере сорока пяти лет. Клиентура ее составляется из молодчиков, довольных тем, что не нужно платить, или из писателей, которых удовлетворить не трудно, ибо уродство любовниц в этом кругу баснословно.

ДЮРТАЛЬ

Не торопись с выводами, послушай дальше. *(Берет другое письмо)*: „Милостивый Государь! Это письмо — прощание. Если бы я, по слабости, продолжала писать вам, мои письма были бы монотонны, как вечная скука испытываемая мною. Не получила ли я, впрочем, лучшее, что в вас было, в вашей небрежной записке, вырвавшей меня на минутку из летаргии. Я знаю — увы — что самые неверные радости это те, о кото-

рых мы мечтаем. Несмотря на мое лихорадочное желание узнать вас, я, как и вы, боюсь, что встреча для нас обоих станет источником сожалений".

ЭРМИ

После этого письма ты, конечно, назначил ей свидание здесь, между завтраком и обедом, и она пришла, заявив, что ты видишь ее в последний раз.

ДЮРТАЛЬ

Ты не угадал: я послал ей с десяток писем и уже потерял всякую надежду. Между прочим ее письма . . . Впрочем, послушай еще несколько фраз. „Что делать? Я не хочу видеть вас и не могу заглушить безумное желание нашей встречи. Вчера вечером, помимо моей воли, я произнесла ваше имя, которое жгло мне губы. Мой муж, хотя и принадлежит к поклонникам вашим, был, казалось, озадачен моим волнением. Потом всю ночь я бешено призывала вас, я плакала от безнадежности. Утром муж входит в мою комнату, у меня глаза налились кровью. Я хохочу ему в лицо, как сумасшедшая, на его вопрос, что со мною." Ну, и дальше в том же роде. Что ты на это скажешь?

ЭРМИ

Покажи письмо . . . *(нюхает бумагу, царапает ногтем)*. Какие странные чернила, цвета миртовых листьев, пахнет гелиотропом . . . Она блондинка: чернила присыпаны пудрой, которую употребляют только блондинки . . . Гелиотроп, блондинка . . . М-ме Шантелув очень часто упоминает твое имя и говорит, что ты целый год у них не был. Гелиотропом пахнет у нее в будуаре.

ДЮРТАЛЬ

Ты думаешь, что это могла бы быть она? Я почти забыл ее лицо. Синие глаза, очень красные губы . . .

ЭРМИ

Во всяком случае, если это она, я могу тебя вдвойне поздравить . . . Она незаурядна, и . . . если ты овладеешь ее доверием, может дополнить тебе рассказы этого чудака Карэ. М-ме Шантелув очень хорошо была знакома в прошлом году с каноником Докром.

ДЮРТАЛЬ

Поистине все дороги ведут в Рим. Все время натыкаешься на это имя . . . С того памятного

вечера, когда Карэ рассказал нам всякие ужасы, сам Жилль де-Рэ побледнел в моем воображении рядом с Докром. М-ем Шантелув, м-ме Шантелув... Ее зовут, кажется, Гиацинтой... Теперь я почти уверен, что это она... Не скрою от тебя, мой дорогой друг, что весь последний месяц я переживаю непонятное, почти болезненное ощущение какого-то постоянного присутствия... вот здесь, рядом со мною, и... у меня в спальне. Не скажу тебе, чтобы это ощущение было неприятно. Оно тревожит и опьяняет. Правда я его не ставил в связь с этой незнакомкой, а приписывал скорее тому рабочему аскетизму, в котором я временно пребываю... Понимаешь, когда флюиды женщины витают около тебя и почти щекочут твою кожу...

ЭРМИ

Как они щекотали кожу св. Антония.

ДЮРТАЛЬ

Не смейся... Может быть я слишком напичкал себя средневековьем и Жиллем де-Рэ, но вот даже сейчас, при тебе я чувствую себя, как бы тебе сказать... как неразряженная лейденская банка. У меня даже волосы чуть-

чуть шевелятся на голове... Что-то надвигается на меня, какое-то жуткое счастье.

ЭРМИ

На тебя надвигается м-ме Гиацинта. Она — психопатка, пересыщенная магнетизмом. Если она целыми днями и ночами бешено повторяет твое имя, то это должно передаваться... Почем знать, может быть, Докр сделал из нее суккубу.

ДЮРТАЛЬ

Что бы там ни было, но мои литературные настроения совершенно оттолкнули меня от обыденщины. Меня не тянет никуда, ни в общество, ни в театр. Все сегодняшнее кажется мне пошлым, в особенности наши салонные дамы с их птичьими интересами, птичьими бурями, птичьими страстями.

ЭРМИ

Так что ты предпочитал бы роман с суккубой.

ДЮРТАЛЬ

(смеется): Если хочешь предпочитал бы *(звонок, пауза, новый звонок)*. Подожди...

я отпустил прислугу, надо отпереть *(уходит, потом возвращается).* Дама в густой вуали . . . Пройди черным ходом через спальню *(приносит Эрми шляпу и пальто, помогает одеться).* До завтра у Карэ.

ЭРМИ

Ты раздразнил мое любопытство своими предчувствиями. Я с удовольствием просидел бы полчасика у тебя в шкафу или за ширмой, чтобы проверить свои догадки.

ДЮРТАЛЬ

Уходи, уходи.

Уходят в разные двери. Через минуту Дюрталь возвращается с Гиацинтой. Та поднимает вуаль.

ДЮРТАЛЬ

М-ме Шантелув. *(Пауза.)* Садитесь, прошу вас.

ГИАЦИНТА

(стоя): Это я вам посылала такие безумные письма . . . Я пришла покончить с этой ужасной лихорадкой . . . навсегда развязаться с нею. Связь между нами невозможна. Забудем же все, что произошло, забудем друг друга, как

бы это ни было трудно... Я позволила себе последнюю слабость — увидеть вас на одну минуту... Я сейчас уйду от вас, но прежде, чем мы расстанемся навсегда, скажите мне, что вы не будете меня ненавидеть.

ДЮРТАЛЬ

М-ме!.. Я так взволнован неожиданностью... Я уже потерял всякую надежду... И вдруг расстаться с вами теперь, когда я наконец вижу вас у себя... Нет, нет, ни за что! Я не был безумцем, отвечая вам страстными письмами... Я верил вам и любил вас.

ГИАЦИНТА

Вы любили меня? Но ведь вы не знали даже, что письма от меня. Вы любили незнакомку, мечту. Теперь, когда я пришла, мечты уже не существует.

ДЮРТАЛЬ

Вы ошибаетесь. Я предчувствовал, хотя и не представлял вас... И теперь я не удивлен нисколько. Это невозможно об'яснить. Я бессознательно был уверен, что это вы... Я все время чувствовал около себя именно вас.

ГИАЦИНТА

Однако вы отказали мне в свидании, о котором я вас молила.

ДЮРТАЛЬ

Но я отказал еще ничего не зная, не отдавая себе отчета.

ГИАЦИНТА

Значит в последнее время вы представляли себе именно меня? Вы мечтали о той, которая теперь здесь, у вас, да?.. Это правда?.. Ха-ха-ха! *(Смех, переходящий в истерический хохот).*

ДЮРТАЛЬ

(успокаивая ее): Садитесь, прошу вас, выпейте воды *(приносит воду).* Успокойтесь же!..

Становится перед нею на колени. Она отстраняет его руку со стаканом воды и начинает уже ласково смеяться, глядя ему в глаза.

ГИАЦИНТА

Простите меня, это нервное. Со мной это случается даже на улице... Но будем благоразумны и давайте говорить. Итак, вы любили меня?

ДЮРТАЛЬ

Да, да . . .

ГИАЦИНТА

И любите теперь?

ДЮРТАЛЬ

Да, да, да.

ГИАЦИНТА

Хорошо, допустим. Но у вас есть дела, вы работаете над превосходными книгами, вам совсем не нужно, чтобы такая безразсудная женщина, как я, прогуливалась по вашей жизни. Это внесло бы в нее только беспорядок. Значит самое благоразумное, если мы останемся друзьями, настоящими друзьями.

ДЮРТАЛЬ

И женщина, писавшая мне такие письма, говорит теперь только о благоразумии.

ГИАЦИНТА

Вы сердитесь? Вы недовольны мною?

ДЮРТАЛЬ

(обнимая ее): Конечно. Я вас хочу безумно, я целую неделю мечтал о нашей встрече, а вы приходите для того, чтобы предложить мне только дружбу.

ГИАЦИНТА

Но разве бы я пришла к вам, если бы не любила вас! Поймите же, что действительность убьет нашу мечту... Нет, нет, не обнимайте меня так... Клянусь, я уйду, и вы меня никогда больше не увидите, если не выпустите меня сейчас. *(Дюрталь обиженно оставляет ее)*. Сядьте там, позади стола... Ах, как хорошо было бы, если бы вы могли... быть похожим на меня.

ДЮРТАЛЬ

Я не понимаю вас.

ГИАЦИНТА

Если бы вы... Ну, мне трудно быть откровенной... Я могу вам показаться чудовищем эгоизма... Понимаете, — я не хотела бы портить наше счастье, уже достигшее предела, чрезмерное счастье, которое мне уже дает

наша связь... Я плохо выражаюсь... Мне стыдно... Ну, все равно... Я обладаю вами, слышите, я принадлёжу вам, когда и как хочу.

ДЮРТАЛЬ

О, что вы хотите сказать?

ГИАЦИНТА

Разве вы не чувствовали иногда... Разве та, которую вы предугадывали, ощущали около себя, которая незримо была здесь, с вами, не была я?.. Я была здесь вчера, и неделю, и месяц тому назад... Я звала вас, я отдавалась вам... Ваши комнаты, все ваши любимые уголки, ваше ложе, ваши подушки, все, все пропитано моею любовью. Я пила вас, не зная утоления моей жажды. И я буду вашей всегда, когда мне придет в голову, и вы, вы будете чувствовать это, даже если вы умрете. О, поймите же меня, постарайтесь понять. Любовь, желание, истинная близость не знают преград. Я обладала Бодлером, которого не видела никогда, я обладала Байроном после его смерти, всеми, всеми, кого хотела... Мне стоит только пожелать, пожелать вас сегодня перед сном...

ДЮРТАЛЬ

Что это, я не понимаю вас, я боюсь вас понять. Гиацинта, о, Гиацинта!

—

ГИАЦИНТА

Повтори, повтори же, еще, еще . . . Мое имя . . . Я слышала его из твоих уст столько раз в жгучем бреду страсти . . . Ну же, скорей, милый, скорей *(бросается к нему).*

ДЮРТАЛЬ

(кричит): Гиацинта! *(Сливаются в долгом об'ятии).*

ГИАЦИНТА

(В пароксизме страсти). Нет, нет, отпустите меня! . . Отпустите же или я ударю вас.

ДЮРТАЛЬ

Да из чего же вы сделаны наконец?!

Отходит от нее и садится поодаль. Она смотрит на него сверкающими глазами, полуоткрыв рот, как оскаливший зубы зверек, как вампир.

ГИАЦИНТА

О, не нужно, не нужно ничего. Будьте мудрым, большим, откажитесь от меня . . . Ведь прекрас-

но только одно желание . . . Вы же знаете, должны знать, что такое любовь! . . Мы не сделаем никогда этой ошибки. Я думала об этом еще по дороге сюда. Вы — гениальный писатель. Подумайте, создайте в воображении . . Ведь это совершенно невозможно ни для меня, ни для вас. Есть подробности оскорбительные, как удар хлыста, — мы не могли бы перейти их . . . Этот диван, или ваша кровать, ваша одежда . . . пуговицы . . . все, что создали люди, чтобы сделать отвратительною самую память о первых мгновениях счастья . . . Мы не простим этого друг другу . . . Не смотрите на меня так. Я берегу вас больше, чем вы меня. Понимаете вы или нет? Если не мы, то кто же спасет, возвеличит любовь! . . Ну, единственный мой . . . Я твоя . . . Я хочу тебя . . . но я знаю, что нужно для нашего счастья . . . Я отдамся тебе не здесь, не сейчас . . .

ДЮРТАЛЬ

Говорите, говорите, договаривайте до конца. Я люблю вас, я не побоюсь услышать от вас самое неожиданное, самое страшное. Кто вы? Ваше имя связывают с Докром . . .

ГИАЦИНТА

(кричит исступленно): А-а-а . . .

Падает в припадке. Ее крик переходит в стон, сначала грубый, животный, потом сладострастно-нежный. Придя в себя она обвивает шею Дюрталя руками.

ГИАЦИНТА

Милый, милый, зачем ты назвал это имя? Разве ты не знал, что это сильнее, прочнее венчания? Ты соединил им себя со мною. Не бойся же меня, моих слов. Жизнь людей, всех людей на земле — жалкий, подлый обман. Люди сами обесцветили, стерли все, обратили землю в пустыню без оазисов и без миражей. Не бойся гибели со мной. Ты — мой, ты будешь моим по настоящему скоро, скоро. Ты узнаешь наслаждения ада, которых не стоит жизнь! Верь мне! Я люблю тебя! Не двигайся, дай мне твои губы *(целует)*. Довольно. Я приеду за тобой в 9 часов вечера послезавтра *(убегает)*.

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ IV

Преддверие мессы в католическом монастыре. Налево арка в главную комнату мессы, направо часть сводчатого корридора, ведущего к выходу. Отсюда появляются Гиацинта и Дюрталь — оба в домино.

ГИАЦИНТА

Вас ожидают небывалые впечатления, но, насколько я поняла Эрми, вы сейчас в поисках подобных материалов. Я боюсь только, что самое зрелище мессы может внушить вам ужас.

ДЮРТАЛЬ

Не бойтесь за меня. Жизнеописание Жилля де-Рэ было для меня прекрасной прививкой. Но скажите, наконец, откуда появился этот Докр, что он прежде делал, как и почему он стал учителем сатанизма?

ГИАЦИНТА

Я не знаю. Я познакомилась с ним здесь, в Париже, еще во времена империи, когда он

был духовником одной коронованной особы. Тогда у него произошли истории, которые удалось затушить только благодаря связям. Для всех он, конечно, злодей, но он так глубоко образован и при том так очаровательно испорчен, что . . .

ДЮРТАЛЬ

Как изменился ваш голос, ваши глаза . . . Вы любили его?

ГИАЦИНТА

Да, но я не люблю его больше, мы остались только друзьями.

ДЮРТАЛЬ

Это правда? . . Расскажите же мне, часто вы у него бывали, какая у него обстановка?

ГИАЦИНТА

Представьте, все очень скромно и чисто, химическая лаборатория, огромная библиотека. Впрочем, единственная интересная книга, которую он мне показывал, это написанный на пергаменте текст черной мессы. Рисунки замечательные, переплет сделан из кожи ребенка,

умершего некрещенным, на крышке вдавлена, словно драгоценный орнамент, большая облатка, освященная во время черной мессы.

К концу разговора через преддверие начинают проходить одна за другой закутанные фигуры в домино и плащах и скрываются за аркой в комнате мессы. Служка зажигает свечи по ту сторону арки. Начинается пение, слышны звуки органа.

ДЮРТАЛЬ

Да мы в настоящей церкви!

ГИАЦИНТА

Да, этот дом, церковь и сад, через который мы проходили, представляют собой остатки старинного монастыря урсулинок, ныне уничтоженного. Подойдите поближе *(подводит Дюрталя ближе к арке)*. Среди молящихся Дьяволу вы увидите любопытные фигуры. *(Смотрят вместе)*.

ДЮРТАЛЬ

Какая красавица! .. Неужели она замужем, эта госпожа?

ГИАЦИНТА

Нет, это бывшая монахиня, недавно соблазненная Докром.

ДЮРТАЛЬ

А . . . Ну, а те господа, что хотят повидимому остаться в тени?

ГИАЦИНТА

Это не совсем типичные сатанисты. Вот тот, старший — профессор медицинской школы. Дома у него молельня, где он поклоняется стоящей на алтаре статуе Венеры-Астарты.

ДЮРТАЛЬ

Это любопытно, ну, ну . . .

ГИАЦИНТА

Понимаете, он дряхлеет, а эти демонические моления удесятеряют его силы. Он растрачивает их здесь же со служками Докра.

ДЮРТАЛЬ.

(брезгливо): Вы не предупредили меня, что придется столкнуться с подобной компанией.

ГИАЦИНТА

Разве вы расчитывали встретить тут святых?

Пение. Дымные волны курений проникают на сцену. Дюрталь отшатывается к рампе.

ДЮРТАЛЬ

Я задыхаюсь. Запах этих курений нестерпим.

ГИАЦИНТА

Вы привыкнете к нему через несколько минут.

ДЮРТАЛЬ

Но что они там жгут такое?

ГИАЦИНТА

Руту, листья белены и дурмана, сухой паслен и мирру. Это ароматы, угодные Сатане, нашему Господину.

За аркой пение („Lucifer, domine noster!“). *Шум и вскрикивание женщин. Голос Докра, сначала отдаленный, слышится все громче, а к концу монолога очень громко. Гиацинта слушает преображенная, полная движения к невидимому аббату.*

ДОКР

(за сценой): Ты, призрачный царь, защитник обманов, мошенничеством получающий почести, крадущий привязанности, ты, торговец надеждами, слушай! Долгие века с рыданиями ожидают тебя, Бог — беглец, немой Бог, а ты спишь. Миллионы протянутых к тебе рук призывают тебя, а ты говоришь в ответ: „надейся, терпи, страдай, пока не попадешь к ангелам, в

больницу душ". Ты позабыл нищету, ты видишь, как пресс спекуляции давит слабых, ты равнодушно слышишь хрипение робких, обессиленных голодом голосов, стенания женщин, продающихся за кусок хлеба, и ты отвечаешь призывающим тебя через канцелярии своих торговых представителей, через своих наместников-пап, ты, писарь из ризницы, Бог аферистов! .. Но мы заставим тебя признаться наконец в твоей бесстыдной лжи, в твоих неискупимых преступлениях, мы сделаем это, мы нарушим твой каменный покой, призрачный царь, ложный Бог!

Пение, музыка органа, исступленные выкрики женщин. В волнах курений, с кадилом в руках, появляется Докр, облаченный в подобие ризы с кощунственными изображениями. Он останавливается на пороге арки и кланяется на обе стороны — в глубину сцены и Гиацинте, опустившейся на колени рядом с несколькими запоздавшими фигурами.

ДОКР

(в сторону невидимого алтаря): Учитель безобразных дел, раздаятель преступных благ, вершитель низких грехов и пышных пороков, мы поклоняемся тебе, Сатана, Бог последовательный, Бог справедливый! Поддержка бедняков, потерявших надежду, ты укрепляешь

их лицемерием, неблагодарностью, гордостью, чтобы они могли защищаться от нападения детей Бога богатых. Ты подсказываешь им мысль о мщении, ты внушаешь убийства, ты даешь изысканную радость насилия, славное опьянение казнью и чужими слезами. Ты спасаешь честь семейств убиением плода, зачатого в самозабвении страсти, и твоя акушерская помощь избавляет умерших до рождения детей от тоски жизни, от горечи падений. Надежда возмущенных, скорбь бесплодных, ты не требуешь, Сатана, бесполезных пыток целомудрия, не восхваляешь неделания и постов. Господин! Твои верные слуги на коленях молятся тебе! Они просят у тебя славы, богатства, могущества, у тебя, царь обездоленных, сын изгнанный неумолимым отцом.

Уходит обратно в глубину сцены. Гиацинта с криком бежит за ним. Общий хаос, пение, музыка органа, вопли и стенания женщин. На сцену выбегают полурастерзанные и почти обнаженные беснующиеся фигуры. Они кружатся и падают замертво или в конвульсиях. Женщины рвут на себе одежды, мужчины преследуют их. Задыхаясь от курений, Дюрталь пятится от налетающих на него отовсюду сатанистов к широкой скамье на правом плане и опускается на нее. На пороге арки показывается Гиацинта уже без домино, в изорванном клочьями платье. Медленно, с как-бы невидящими глазами и вытянутыми вперед руками, она направляется к Дюрталю.

ГИАЦИНТА

Скорее, скорее, о, мое счастье, мой жених, мой обрученный. Прими свою жену, пылающую безумием, неиссякаемой жаждой любовной пытки . . . Здесь в храме Сатаны, господина нашего, ты узнаешь истязания радости, казни блаженства . . . Мой, мой, мой брат и отец во грехе . . . *(Тянется к нему).*

ДЮРТАЛЬ

(Защищаясь от ее рук, охвативших его шею). Пустите, пустите меня, я задыхаюсь . . . Помогите! . . *(Падает на скамью).*

ГИАЦИНТА

(Зажав ему рот поцелуем). Мой, мой, мой . . . Моя кровь, мое благословение, мое причастие, моя жизнь и моя смерть . . .

Хочет впиться зубами в шею Дюрталя и сплетается в об'ятие с ним, уже не помнящим ничего и обессиленным ее лаской. Справа в коридоре сильный шум, прорезываемый голосом Карэ, который вдруг появляется с длинным бичем в руке.

КАРЭ

Ага! Приспешники Сатаны, грязные свиньи, обратившие храм молитвы в зловонный хлев! Я нашел-таки вас и расправляюсь с вами на

славу! *(Толкает ногами распростертые на полу фигуры мужчин и женщин).* Прочь, прочь отсюда развратное племя! *(Публика начинает убегать к выходу).* А где же главный негодяй, где подлый мистификатор, торговец снадобьями для блуда?.. Я найду его *(устремляется сквозь арку в глубину сцены).* Где же он?.. Эти свиньи опять спрятали его... Эй ты!.. Грязный расстрига, бесчестный трус, выходи!

Публика продолжает бежать через преддверие к выходу. Слышен все усиливающийся звон колоколов с башни Карэ.

ГИАЦИНТА

(Не видя и не слыша ничего). Мой, мой, мой навеки... Дай причаститься твоей крови, дай насладиться последним вздохом твоим *(впивается в горло Дюрталя, тот вскрикивает, борьба).*

КАРЭ

(Возвращается с бичом). Прочь, прочь! *(Публика бежит).* Они ловко спрятали его... Прочь мерзкие твари!.. *(Натыкается на скамейку с Гиацинтой и Дюрталем)*... Что это? Господин Дюрталь?.. *(Отталкивает Гиацин-*

ту, падающую в конвульсиях) . . . Господин Дюрталь! . . Зачем вы здесь? . . Что с вами? . . Ваша шея и ваше лицо в крови . . . Господин Дюрталь! . .

ДЮРТАЛЬ

Я умираю . . . помогите . . . я умираю . . . колокола . . . небесный, сладостный зов . . . какое счастье, какое счастье . . .

КАРЭ

Господин Дюрталь, господин Дюрталь . . . *(Вытирает ему кровь платком, дает понюхать флакончик).*

ДЮРТАЛЬ

(открывая глаза): Это вы, дорогой Карэ? Я не понимаю . . . Где мы? . . На башне? . . У вас?

КАРЭ

Нет, как это можно, нет . . . Вы вспомните все, и ужаснетесь, когда придете в себя. Вас завело сюда любопытство, как и многих . . . Но вы видели сами, что делают служители черной силы вместе с вожаком их . . . Эта гадина ускользнула от меня опять, но она знает, что рано или поздно я раздавлю ее своею пятой.

ДЮРТАЛЬ

А-а-а . . . Я вспомнил . . . Мы в монастыре . . . но где же эта женщина . . . Гиацинта . . . Где она? . .

КАРЭ

Сообщница Докра, хотевшая умертвить вас? . . Она валяется среди развратных гадов, которые расползутся через полчаса по своим норам . . . Забудьте о них, господин Дюрталь, не приближайтесь к ним больше ни на один шаг . . . Если бы я знал, что вам нужно видеть все своими глазами, я бы дал вам в руки другой бич и взял вас с собою.

ДЮРТАЛЬ

С вами? . . Да, это правда . . . Вы здесь. Вы спасли меня . . . А этот звон? . . Кто же мог заменить вас на колокольне? . . Ведь это звонят ваши колокола?

КАРЭ

Они звонят . . . они звонят сами. Я внушил им этот грозный предостерегающий звон. Моя жена не умеет звонить, да у нее и нет ключа от последней двери на колокольню. Вы слышите, слышите, господин Дюрталь, какую благостную весть они несут гниющему, утонув-

шему в пороках миру? Еще придут новые апостолы и пророки и построят Новую Церковь для всех чистых сердцем, входящих в нее с Божьим именем на устах. Придет, вернется на землю Любовь и разгонит смерчи мерзости, вздымающиеся на горизонте, и воцарится над народами. И узнают все нищие, все обездоленные, все угнетенные, все раздавленные трудом своего Единого могучего и доброго Защитника, и Он даст им новую землю, с новыми семенами, взошедщими только для них. Верьте, верьте, и вы увидите Сына Человеческого, сидящего одесную могущества Божьего и грядущего на облаках. Господи! Да святится Имя Твое! *(Опускается на колени лицом к публике, с воздетыми к небу руками. Звон колоколов).*

ЗАНАВЕС

